

представление о преступлении и преступности, что может являться доминирующим при формировании конкретного уголовного закона или же конкретного правового решения (прецедент).

Понимание Преступного без его философского осмысления невозможно. Именно философия является носителем концептуального представления о добре и зле. Однако то, что считается в конкретный исторический период злом, не становится автоматически преступлением. Конкретное проявление зла, как и добра, всегда оценочно. Когда такая оценка происходит со стороны людей в их повседневной жизни, то добро означает нравственно-положительное, а зло – нравственно-отрицательное. Для «превращения» зла в преступление необходима соответствующая реакция (санкция) государства (власти), поскольку именно государство определяет преступность и наказуемость деяния. Такая оценка осуществляется в рамках проводимой государственной политики (уголовно-правовой политики). Как представляется, пересечение философского понимания о добре и зле и его политическая оценка формируют представление о Преступном.

Философия, политика и государство имеют длительную историю, чего нельзя сказать о Преступном. В условиях традиционного общества Преступное не могло формироваться, поскольку такое общество было сакральным по своей сути. Наличие зла объяснялось по-разному, но оно прямо не предписывалось природе человека. Только в Новое время, когда в философии и политике произошли коренные изменения, когда на смену парадигме человека пришла парадигма индивидуума, понятие зла приобрело иной смысл. Именно в условиях профанного общества сформировалось Преступное и как следствие – современное представление о понятии преступления.

Очевидно, что формирование Преступного происходит под воздействием различных факторов. Однако из всей их совокупности необходимо выделить те, которые имеют определяющее значение. Прежде всего следует указать направления (школы) уголовного права, которые прямо влияют на понимание природы преступления. Так, идеи классической школы уголовного права являются доминирующими в вопросах преступности деяния. Когда же речь идет о вопросах уголовной ответственности и наказания, предпочтение отдается социологическому направлению. Смещение акцента с преступления как деяния на человека – главная заслуга антропологической школы.

Важным фактором, существенно влияющим на осмысление Преступного, является доминирующий в обществе тип правопонимания. Давая определение типу правопонимания как парадигме познания права, в юридической литературе отмечается, что он представляет собой теоретико-методологический подход к формированию образа права и к пониманию сущности права, который осуществляется с позиций того или иного теоретического видения проблемы в рамках определенной методологии анализа. Однако учитывая, что в настоящее время нет однозначного ответа на вопрос «что является правом?», то, разумеется, в раскрытии понятия правопонимания и классификации его типов также единство отсутствует.

Кроме обозначенных факторов на формирование понимания Преступного оказывают влияние тип научной рациональности, доминирующие в обществе идеология и религия. Совокупность указанных, а также иные менее значимые, но важные обстоятельства определяют понимание Преступного, из которого, в свою очередь, формируется понятие преступления.

УДК 343.3/7

А.В. Сальникова

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННУЮ ДОБЫЧУ РЫБЫ ИЛИ ДРУГИХ ВОДНЫХ ЖИВОТНЫХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В современном мире проблема сохранения природных ресурсов является одной из наиболее актуальных. Развитие экологического законодательства зарубежных стран неизбежно сопровождается формированием и совершенствованием средств уголовно-правовой охраны природной среды в целом и отдельных ее компонентов. В определенной степени это вызвано тем, что в сфере экологических отношений в пределах конкретных государств происходят такие негативные процессы, когда экономическая нестабильность порождает отсутствие экологического правопорядка в эксплуатации природных богатств. Необходимость борьбы с этими негативными явлениями обусловила включение правовых норм соответствующего содержания в уголовные кодексы большинства государств. Несомненно, уголовная ответственность наряду с другими средствами воздействия на правонарушителей, нарушающих нормы природоохранного законодательства, представляет один из наиболее действенных рычагов защиты интересов человека, общества и государства в сфере обеспечения экологической безопасности и охраны природной среды.

Уголовно-правовое противодействие незаконной добыче рыбы или других водных животных в зарубежных странах в рамках той или иной системы уголовного права имеет сходные или близкие по юридической конструкции правовые нормы, институты и законодательные акты. В этой связи при сравнительно-правовом анализе уголовной ответственности за незаконную добычу рыбы или других водных животных необходимо исходить из того, что уголовное законодательство зарубежных стран с точки зрения построения системы Особенной части уголовного законодательства и определения в ней места экологических преступлений условно можно подразделить на две группы.

Первую группу образуют нормы, предусматривающие ответственность за причинение вреда природной среде и ее компонентам, объединенные в самостоятельные главы, именуемые или «Экологические преступления» (Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Азербайджанской Республики), или «Экологические уголовные правонарушения» (Уголовный кодекс Республики Казахстан), или «Преступления против безопасности окружающей среды» (Уголовный кодекс Республики Армения) и т. п. При таком построении системы Особенной части уголовного законодательства нормы, устанавливающие ответственность за незаконную добычу рыбы или других водных животных, являются органической частью института уголовной ответственности за экологические преступления. В рамках данных глав формулируются институты

ответственности за экологические преступления и самостоятельным экологическим преступлением признается незаконная добыча рыбы (или водных биологических ресурсов, или водных животных). В данном случае речь идет об уголовном законодательстве стран СНГ и Балтии. Уголовно-правовая охрана природных ресурсов в законодательстве этих стран, с точки зрения оценки характера и степени общественной опасности, а также применяемых технико-юридических приемов регламентации ответственности за незаконную добычу рыбы или других водных животных, имеет элементы как сходства, так и различия с уголовным законодательством Республики Беларусь.

Вторую группу образует уголовное законодательство зарубежных стран, в котором отсутствуют самостоятельные главы, определяющие признаки экологических преступлений. В этом случае уголовная ответственность за причинение вреда объектам природы, включая рыбу или другие водные животные, регламентирована статьями, находящимися в других главах уголовного законодательства, и относится к корыстным преступлениям (Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия), преступлениям против общественной безопасности (Уголовный кодекс Швеции), преступлениям против общественного здоровья (Уголовный кодекс Швейцарии). Кроме того, в уголовном законодательстве Швеции и Швейцарии хотя и присутствуют нормы, карающие за посягательства на отдельные объекты природы, однако при этом вообще отсутствует специальный состав преступления – незаконная добыча рыбы или других водных животных.

Таким образом, при сравнительном сопоставлении уголовного законодательства зарубежных стран представляется наиболее логичным, исходя из правил законодательной техники, выделение преступлений против экологической безопасности и природной среды в самостоятельную главу. При этом уголовную ответственность за незаконную добычу рыбы или других водных животных, как одного из важнейших компонентов природной среды, должна предусматривать самостоятельная уголовно-правовая норма, органически входящая в такую главу.

УДК 343.62

Э.А. Саркисова

ПРЕВЫШЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ: ГРАНИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В числе обстоятельств, исключающих преступность деяния, Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает необходимую оборону, законодательное закрепление которой имеет очень давнюю историю. В силу сравнительно широкой применяемости данного обстоятельства и возникающих проблемных вопросов, касающихся его оценки, необходимая оборона в теории уголовного права явилась предметом многочисленных исследований, что и сказалось на развитии ее законодательного регулирования. В частности, если сравнить нормы о необходимой обороне, хотя бы содержащиеся в УК Беларуси 1960 и 1999 гг., то, бесспорно, в законодательном закреплении касающихся ее положений можно проследить прогресс. Если в ст. 13 УК 1960 г. раскрывался смысл необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния, и давалось определение понятия превышения ее пределов, то в ст. 34 УК 1999 г. кроме этого зафиксировано важное положение, согласно которому каждый гражданин имеет право на защиту от общественно опасного посягательства независимо от возможности у лица избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. Иными словами, доказанное в теории и апробированное на практике право лица в случае посягательств на наиболее ценные правоохраняемые объекты отражать их, действуя по своему усмотрению (на то время это рассматривалось в качестве активной жизненной позиции, подкрепленной конституционным положением об обязанности каждого гражданина быть непримиримым к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка – ст. 63 Конституции БССР 1978 г.), обоснованно нашло законодательное закрепление.

Более понятным стало и положение, раскрывающее смысл превышения пределов необходимой обороны. В ст. 13 УК 1960 г. оно определялось как явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства. В ст. 34 УК 1999 г. оно определяется более полно – как явное для обороняющегося лица несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть или тяжкое телесное повреждение.

Все остальное в части оценки необходимой обороны (условий ее правомерности, обстоятельств, которые должны учитываться при решении вопроса о наличии или отсутствии превышения ее пределов, и др.) оставлено на откуп теории и практики. К сожалению, на сегодняшний день белорусская практика до сих пор пользуется постановлением Пленума Верховного суда СССР от 16 августа 1984 г., которое, по признанию многих, хоть и было в свое время уникальным, но все же современную жизнь опередить не смогло. По-прежнему на практике спорят по поводу превышения пределов необходимой обороны, до сих пор нет однозначного мнения относительно правомерности технических устройств, предназначенных для отражения посягательства. Особенно остро стоит вопрос о наличии превышения пределов необходимой обороны или отсутствия его. Данные же судебной статистики говорят о том, что еще немало лиц, оказавшихся в состоянии необходимой обороны, признаются виновными в превышении ее пределов и осуждаются за это. Например, с 2005 по 2013 г. по ст. 143 УК за убийство при превышении пределов необходимой обороны в Республике Беларусь было осуждено 149 человек, из них к лишению свободы – почти половина (73 человека) и за умышленное причинение тяжкого телесного повреждения при превышении пределов необходимой обороны (ст. 152 УК) 185 человек. При этом, вероятно, не исключены ошибки при осуждении лиц за указанные преступления и на общих основаниях.

Между тем, как признавалось в вышеупомянутом постановлении, оценка лицом, подвергнутым нападению, правомерности или неправомерности своих действий по его отражению требует учета массы обстоятельств, которые оценить не всегда в состоянии сами суды, не говоря о человеке, пытающемся отразить нападение.